

Нина

ЯГОДИНЦЕВА

*

Как тополиный пух к протянутой ладони —
Душа моя к тебе. Любого сквозняка
Достаточно — о нет, хотя бы просто вспомни,
И словно бы ко мне протянута рука.

Душа моя — к тебе... Тончайших этих линий
В горячей пустоте прочерчено насквозь
Бесчисленно, и я пушинкой тополиной —
Нежданная печаль или незванный гость —

Тревожу твой покой, и вся его громада
Колеблется, дрожит и рушится к ногам...
О, тополиный пух — июньская досада,
Прибитая дождём к дорожным берегам, —

Он всё ещё летит с закрытыми глазами!
Вот так душа моя, не ведая обид,
В июне как во сне, в миру как на вокзале,
К тебе летит...

*

Маме

Спит в кувшине молоко,
дочь уснула в колыбели.
Половицы заскрипели...
Оглянулась — никого.

Только дышит глубоко,
Белоснежна, как невеста,
тоненькая занавеска —
и за нею никого.

За окном сплетает сад
полудённую прохладу,
а по самой кромке сада
колокольчики звенят.

Кто-то ходит стороной,
просит птиц уgomониться,
на узорчатые листья
осыпая лёгкий зной.

Пригляделась — никого,
а прислушалась — молитва...
Тихо скрипнула калитка
где-то очень высоко.

*

Пятнадцатое. День сороковой.
Печальный холмик, убранный листвою,
Над ним сирень — сухая, жестяная.
Над ней берёза в нимбе золотом
Стоит с улыбкой, словно вспоминая
Небесный дом.

Такая высота над головой!
Такой простор, пронзительно живой,
И птички переклички — будто вспышки.
И хочется скорей закрыть глаза:
Коль тайну эту увидеть нельзя,
Быть может, угадать — хоть понаслышке.

Коснуться слабым краешком души:
Светло ль тебе в твоих селеньях дальних?
А тут ещё светло, и мы пришли,
Хоть нам уже отказано в свиданьях,
У дорогого холмика земли
Увидеть жизнь в слезах её и тайнах,
Во всей её невыносимой тоске,
На тоненьком небесном волоске,
В скольженье бликов радостно-случайных.

*

Всё ничего, а позовёшь — не вскинется,
Ресницами тебе не дрогнет встречу
Печальница, молитвенница, схимница,
Спасительница речь.

Не пожалеешь — глянула бы пристальней! —
И смутный век за мимолётный взгляд.
Она стоит у жизни, как у пристани,
Где корабли горят,

Где светит через алое и чёрное
Глубокая морская синева,
Где не спросить: о Господи, о чём же я? —
Слова, слова...

Что видно ей через завесу дымную?
А дале — через тысячи завес?

Но сколько ни живу — живу и думаю:
Мы здесь,

У этой страшной пристани пылающей,
Где пламя с каждым выдохом сильнее, —
Мы не одни. Мы рядом с ней пока ещё.
Мы здесь, пока мы будем рядом с ней.

*

Последней каплей воздуха клянусь —
не оглянусь!
И тут же оглянусь.

Но улочка осенняя пустая,
в задымленное небо прорастая,
дрожит и расплывается:
над ней
уже плывёт гроза грядущих дней.

Здесь жизнь была!
С дерев на перекрёстки
потоком льются крохотные блёстки,
пустые облетают зеркала...
Но жизнь была!

И, жадный взгляд безжалостно стирая,
взвивается из крон воронья стая,
летит, как будто счастье унося.
Оглядываться, стало быть, нельзя,

А пуще — клясться выдохом и вдохом
прошедшим ли, грядущим ли эпохам:
— Не оглянусь. Моё всегда со мной.
— Оглянешься. Но пусто за спиной.

Наша встреча назначена на тысяча девятьсот неprimетный год.
Если что-то пойдёт не так — впрочем, так оно всегда и идёт —
Остаётся сентябрь, студенческий лагерь, где до сих пор
Тридцать лет уже под берёзовым листопадом горит костёр.

Кормит огонь с ладони Лена. Она одна.
Десять лет спустя она утопилась в реке, и лишь у самого дна
Узнала этот костёр, листопад, плывущую краем тьму...
Но почему огонь под водой не погас — неведомо никому.

И вот она собирает наощупь ветки, ищет посуше и покрупней...
Когда-то на свет выходили мы все, а сейчас выходит Андрей.
Когда-то Лена пела нам, а теперь она молчит невпопад:
Хорошо, что огонь горит. Под водой костры не горят.

Андрей выходит из вязкой тьмы — на тысячи звёздных вёрст
Нет ничего вокруг, только бездна чёрных тяжёлых звёзд,
Негде сердце согреть, да и сердца-то больше нет —
Но что-то же умудряется выводить в темноте на свет.

И вот они уже вместе, уже вдвоём, и огонь плывёт на ветру,
И Лена твердит Андрею одно и то же: я знаю, я не умру!
Андрей слушает сердце, но сердца нет, и пламя вместо него.
Андрей отвечает Лене: а что, больше из наших здесь никого?

Я никого не жду, — повторяет Лена. — И тебя не ждала.
Просто сижу у костра — и приходишь ты. Такие дела.
А знаешь, мы всем курсом были тогда в тебя влюблены...
Знаю, — говорит Андрей. — Давай пока посидим одни.

Пой, а я послушаю, или просто так с тобой помолчим,
Тому, что они ещё не пришли, миллион прекрасных причин.
И мы могли не встретиться — но костёр ещё не погас...
Да, — отвечает Лена. — Он дожидался нас.

Кто-то хранил огонь, время от времени подбрасывая дрова,
Вверху шумели берёзы, бесконечно падала с них листва.
Вспыхивала в пламени — и пеплом летела вверх, исчезая там,
Где начинается гулкое небо наших печальных тайн.